

НАДЕЖДА и НИКОЛАЙ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ЗОРИНЫ

**ПРИГОВОР,
КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ
ОБЖАЛОВАТЬ**

Николай Зорин

**Приговор, который
нельзя обжаловать**

«Центрполиграф»

2009

Зорин Н.

Приговор, который нельзя обжаловать / Н. Зорин —
«Центрполиграф», 2009

Творческий кризис и трагическая гибель матери при весьма загадочных обстоятельствах повергают Софью Королеву в глубокую депрессию. К тому же внезапно погибают и другие члены семьи Королевых. Частный детектив Андрей Никитин пытается выйти на след убийцы, а Софья, оказавшаяся в центре событий, ощущает себя косвенной виновницей произошедшего. Ей остаются только вопросы. Кто следующая жертва? Есть ли рядом хоть кто-то, кому можно доверять?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Надежда Зорина, Николай Зорин

Приговор, который нельзя обжаловать

Роман

Часть первая

То, чего не было

Глава 1

Соня

Мой ребенок вырос. Когда это случилось? Год назад? Полгода? Я поняла это только сегодня, когда пришла в «Детский мир» выбирать подарок к Новому году. Я долго бродила по отделу игрушек, рассматривала пестрое стадо меховых зверей, пока мой взгляд не остановился на красной собаке с черными конопушками на толстом носу и белой изнанкой висячих ушей. Взяла в руки – почувствовала упоительную шелковистость шерсти, прижала к груди – ощутила умиротворяющую мягкость синтепонового тела. Такая собака вполне могла бы стать другом моему ребенку. С ней не так страшно просыпаться по ночам и вечер коротать веселее, когда дома никого. Да и любая болезнь превратится в нетягостное ожидание выздоровления. Игрушка облегчит жар, разгонит боль... Мой ребенок так часто болеет. Нет, не так: моему ребенку так часто больно.

Посмотрела на ценник, отсчитала деньги – и поняла, что никакая собака больше не нужна, опоздала я с собакой – мой ребенок вырос. Не поможет эта прекрасная игрушка – нет, этот друг – ни мне, ни ему.

Я с сожалением вернула собаку на место и быстро вышла из магазина. Не вышла – ушла навсегда.

Ледяной ветер пронзал насквозь, замораживал сердце. Сугробы, сугробы, кругом лежали высокие предновогодние сугробы.

Как я могла забыть! Однажды я купила собаку, ту самую, красную, конопатую. И принесла, и подарила... Мой ребенок никогда не был ребенком, вот в чем все дело! Даже тогда, в пятилетнем возрасте. Собака не пригодилась, совсем моя собака не пригодилась!

Ветер... Сердце превратилось в льдину. В таком виде оно вполне может сохраниться лет сто или больше.

Дело в том, что эту историю я только что выдумала. Не я покупала собаку, для меня она покупалась. Я – тот самый ребенок, Софья Королева, так и не ставшая Сонечкой, поэт-вундеркинд, в данный момент изрядно постаревший и переставший быть не только вундеркиндом, но и поэтом, в прошлом – чудо из чудес. Мои стихи сделали знаменитой мою семью, мои стихи льстили самолюбию родителей, мои стихи увели их в запредельные дали самых смелых мечтаний. Как же они все эксплуатировали мой дар! Все, кроме бабушки.

Ветер. Сугробы. Я думала, что никогда не прощу, а сегодня простила. Маму простила. Возможно, когда-нибудь прощу и остальных.

С трехлетнего возраста, с тех пор, как мои ритмизованные болезненные выкрики были зачислены в разряд стихов, детство мое кончилось. Из дома изгнали все игрушки, с одежды моей – оборки и вышивки. С трехлетнего возраста я стала Софьей Королевой. Мама усматривала в этой, в общем-то вполне заурядной фамилии, королевский подтекст, не забывая при

этом, что и она Королева. Папа ее в этом поддерживал. И сестра Вероника. Я была коронована Софьей – королева-мученица. Бабушка противилась, бабушка пыталась звать меня Сонечкой, бабушка отважилась однажды купить мне меховую собаку, бабушка изо всех сил старалась вернуть мне детство.

В конце концов бабушка тоже была изгнана.

Мои стихи – это просто болезнь, неизученная и потому непризнанная. Бурно протекающая мучительная болезнь со своими симптомами и осложнениями. Я задышалась, я умираю – крик сдержать невозможно. Я и кричала – а выходили стихи. Мой мозг раздирал кошмар, мне было больно, невыносимо больно. Мою боль собирали по капле, мою боль бережно хранили, моей болью гордились, мою боль препарировали, в моей боли находили ошибки и неточные рифмы, мою боль складировали на страницах журналов и сборников, моей новой порции боли с нетерпением дожидались родители. И одна только бабушка...

Не было никакого праздника – Новый год я потом сочинила, не было никакого специального повода (весь повод состоял только в том, чтобы очередной раз попытаться дать мне хоть крупицу детства), когда она пошла, и купила, и принесла мне меховую собаку с висячими ушами. Но приступ уже подступал, приступ накрыл меня в тот момент, когда бабушка разворачивала блестящую обертку своего подарка.

– Это Тоб. – Бабушка затормошила собаку, надеясь предотвратить приступ. – Он очень хочет подружиться с моей маленькой Сонечкой.

Но Тоб был не в силах помочь, и бабушка была не в силах – мой ритмизованный крик прорвался наружу.

– Мама! – взвизгнула мама. – Убери! Ты что, не понимаешь? Софье Королевой не нужны игрушки! Ты слышала, слышала, что она только что сочинила? Моя дочь – взрослый человек. И не надо сюсюкать!

Тоба изгнали из нашей квартиры, а через три года изгнали и бабушку.

Собака... Да. А теперь вот снег, снег, снег. Сегодня я окончательно простила маму.

Вместо детства – стихи, непосильный груз. Как часто я представляла себя другим человеком и проживала чужую счастливую, безболезненную жизнь.

Я была Соней, Сонечкой, Сонькой, веселой умной девочкой, знающей о стихах только из книжек с картинками. Софья и Сонечка вполне уживались вместе. До тех пор, пока...

Мы гуляли в парке: я, Соня и мама – на детской площадке. Было утро, начало осени, теплый солнечный день, но роса не успела просохнуть. Сначала мы вместе с Соней играли в песочнице, но потом пришли другие дети, веселые и умные, такие же, как Соня, и она предпочла их. А я отошла, я побрела по тропинке – к деревьям в непросохших каплях росы. Я знала, что должно вот-вот случиться, и хотела успеть дойти. Но не дошла, не успела – приступ настиг, я закричала от боли, я выкрикивала из души эту боль. Подбежали мама и какой-то незнакомый, длинный темнокостюмный человек. Я прокричала еще раз свою боль – и мне стало легче.

– С ней часто такое, – объяснила мужчине мама, – даже не знаю, что делать, куда обратиться.

Я так хотела, чтобы она взяла меня на руки, прижала к себе, а она все говорила и говорила что-то этому чужому длинному человеку.

Он присел передо мной на корточки – не мама, а он, – посмотрел так, как на детей не смотрят, и сказал, что это стихи и что он тоже поэт, и отчего-то загрустил.

Да, он был поэт, один из самых известных и признанных поэтов нашего города, прижизненный классик, лауреат разнообразных премий и прочая, прочая. Артемий Сергеевич Польский.

В тот день мы забыли Соню в парке. С того дня нас навсегда разлучили – ее оставили в детской, наполненной игрушками, кружевами и бантиками, а меня переселили во взрослую комнату. С того дня все мои крики заботливо записывали, с того самого дня Артемий Сергее-

вич стал бывать у нас так часто, что превратился в члена семьи. Мама гордилась – мной и знакомством с великим человеком. И папа гордился, и воспользовался связями, и смог открыть частный зубной кабинет (он у меня стоматолог). А сестра Вероника (ей тогда было пятнадцать, как мне сейчас) возмечтала выйти за Польского замуж.

От парка до самого нашего дома Артемий Сергеевич нес меня на руках и всю дорогу выпытывал, помню ли я еще какие-нибудь свои стихи. Оказалось, что помню – я и сама об этом не знала. Помню, но прочитать не могу – мне ведь сейчас не больно. А он засмеялся и сказал: если я сейчас ущипну тебя за ножку, больно ущипну, прочитаешь? Шутка, ставшая впоследствии реальностью: они все желали причинить мне боль, только бы побольше вышло стихов, только бы не иссяк их поток, только бы не закончилось чудо.

В сущности, виноват во всем был именно он, поэт Артемий Польский – не мама, не папа, не Вероника, а он. Родители и сестра всего лишь не захотели отказаться от причитающихся льгот за мой дар. Им по праву полагались эти льготы, как пособие по уходу за больным родственником. В конце концов, родителям и Веронике столько пришлось вытерпеть! Нелегко жить в одной квартире с человеком, у которого каждый день тяжелый приступ – им ведь приходилось оказывать мне необходимую помощь, мучиться. А Артемий совсем другое дело. Впрочем, и славой своей я обязана именно ему. Это он, Артемий Польский, добился первой публикации, организовал первый и все последующие сборники – всего их вышло три. Он забрал мое детство, но дал взамен славу.

А с Соней мы по ночам переговаривались через стенку. Я посвящала ей свои стихи. А однажды мне удалось подсмотреть детский праздник, устроенный мамой в честь дня ее рождения.

Я поняла, куда подевалась моя красная собака – ее переправили Соне в комнату.

Снег. Завывание ветра – заунывные звуки похоронного марша.

Сколько любви, сколько ненависти обрушилось на меня после первой же публикации! Моим стихам не поверил никто: такой маленький ребенок не может писать такие стихи! И все же меня любили – как мечту, неосуществимую, но, посмотрите-ка, возможную. И ненавидели – как мечту, неосуществимую свою мечту, тайную мечту, украденную, разоблаченную, выставленную на всеобщее обозрение. Однажды одна четырнадцатилетняя девочка призналась, что хотела меня убить, потому что выносить мои стихи, написанные не ею, не могла. Однажды одна взрослая – взрослая женщина призналась, что хотела меня украсть – то, что я не ее ребенок, – ошибка. Однажды один молодой человек признался...

Они ничего не знали, совсем ничего обо мне не знали. А если бы узнали, не поверили бы. Мои недетские стихи – это только недетская боль. Нечеловеческая боль. Боли не верили. Никто не верил. Артемий Сергеевич Польский и тот не верил. И мама, и папа...

Хуже всего было то, что я постоянно находилась на публике и даже дома ни на минуту не оставалась без надзора, разве что ночью. После первого витка славы мама уволилась с работы и все время находилась при мне – караулила приступ, боялась потерять хоть пылинку драгоценного продукта. Я долго не могла научиться бегло писать – записывать свои стихи, и потому была зависима от окружающих. Но когда мне исполнилось восемь, в первый раз у меня это получилось. И тогда я потребовала, чтобы на дверь в мою комнату поставили замок. Мне просто необходимо было уединение. Мама отказала наотрез, папа ужасно возмутился, Вероника сказала, что в таком случае и она станет запирается. А бабушка вызвала слесаря, и замок поставили. Вскоре после этого ее и изгнали.

Бабушки я лишилась. Зато обрела желанное одиночество. И свободу. Я вообще открыла для себя большое количество возможностей.

Что я делала, запершись в комнате? Первый месяц просто отдыхала и наслаждалась полученной свободой. А когда отдых-отпуск кончился, придумала себе увлекательнейшее занятие: подглядывала за людьми – сквозь оконное стекло, сидя на подоконнике, или сквозь сомкнутые

веки, лежа на кровати. Человеческие образы толпились у меня в голове, но никогда не выходили стихами. Мои стихи были совсем не о них. О чем же тогда я писала? О древней старухе, живущей в ветхом домишке на вершине горы – «год или два – станет гора одинокой», о чужом человеке, живущем у меня за стеной: я слышу его, знаю, о чем он плачет, но однажды вдруг понимаю, что нет там никакого чужого человека, что человек этот – я, порожденная чьим-то больным сознанием. Но чаще всего я пишу о мертвом ребенке: о мертвом ребенке, которому запоздало принесли в подарок красную меховую собаку, о мертвом ребенке, которого не пригласили на детский праздник, о мертвом ребенке, не простившем обид, о мертвом ребенке, так и не ставшем ангелом. Вот эти-то стихи я никому не показываю, заботливо укладываю в тайник. Возможно, когда-нибудь я подарю их бабушке.

К снежному голосу ветра прибавился медный звук – труба и ветер поют дуэтом прощальную песню.

Первым моего затворничества не выдержал папа. Выманил меня шахматами. Шахматы явились поводом для совместного семейного времяпрепровождения: папа учил меня играть, мама и Вероника пристраивались по бокам. Иногда к нам присоединялся Артемий Сергеевич.

Ученицей я оказалась крайне неспособной: путала названия фигур, никак не могла запомнить ходы, проникнуть в суть этой увлекательной, на взгляд отца, игры. И тогда папа, намучившись со мной, бестолковой, попытался зайти с другого края – придать этой математической игре поэтический оттенок.

– Посмотри, это бальный зал, – он нежно провел ладонью по расквადраченной доске, – сейчас начнутся танцы. И-раз, и-два – госпожа Белая Пешка выходит на середину зала, кланяется. Госпожа Черная Пешка повторяет фигуру. Его благородие Белый Офицер...

Мама растроганно улыбалась, Вероника слушала внимательно, словно это ей объясняли, Артемий одобрительно кивал, и вдруг, словно его осенила Бог весть какая гениальная мысль, сорвался с места, поставил музыку – «Экосез» Бетховена. Подошел ко мне, поклонился, как до этого кланялась пешка, пригласил на танец. Я не двинулась с места, Соня поднялась, улыбнулась своему кавалеру, подала ему руку...

– Выход Королевы! – провозгласил отец и стал двигать фигуру по диагонали доски.

Соня улыбалась, улыбалась, так обаятельно она улыбалась. Ее чуткие ножки двигались в такт. Артемий, не замечая подмены, добежал с ней в танце до конца бального зала. Музыка соскользнула в легато и кончилась.

Мы снова обратились к шахматной доске – там бал продолжился.

Теперь каждый вечер у нас проходили шахматно-музыкальные занятия. И каждый вечер приходил Артемий. Играть я так и не научилась, зато преуспела в танцевальном искусстве – движения мои стали ритмичными и плавными, почти как у Сони. Но главное не это. Наши шахматные сходы вдруг привели к совершенно неожиданному открытию: у моих приступов болезни может быть и другой выход, не только стихи – музыка.

Музыка стала причиной следующего этапа моего затворничества. Музыка стала новым яблоком раздора в нашей семье. Моя страсть к музыке чуть было не выдворила из нашего дома Артемия.

Началось с Баха. Артемий Сергеевич как-то вечером принес новый диск, посчитав, вероятно, что одной танцевальной музыки для шахматных экзерсисов недостаточно, пора пересмотреть репертуар, пустить игру в новое русло. Это были скрипичные концерты. Предчувствие близкого разрешения меня тогда ужасно взволновало и породило почти безболезненный выход нового стихотворения – не самого моего лучшего, но до сих пор любимого за эту безболезненность. Мама бросилась его записывать, а я потребовала у Артемия «главной музыки». Как лучше выразить свою мысль, я не знала, только сразу поняла, что это не все, есть что-то другое, большее, гораздо большее, оно-то мне и нужно. И он меня понял и на следующий день принес органные фуги.

Шахматные вечера на этом закончились. Я без всякого спроса перенесла в свою комнату музыкальный центр и снова закрылась от всех.

Бах спасал от стихов, Бах лечил мою искалеченную душу. Я слушала фуги и набиралась сил для того, чтобы жить дальше. За целый месяц я не написала ни одного стихотворения. А за дверь моей замкнутой комнаты то и дело вспыхивали скандалы: мать обвиняла отца, отец обвинял Артемия, Артемий, непонятно уже в чем, обвинял Веронику.

А потом Бах перестал помогать. Я вышла из комнаты. Возобновились прогулки, возобновились совместные вечера (только без шахмат), возобновились стихи. Артемий добился выхода второго моего сборника, и его водворили на место.

Ветер, снег. Ноги проваливаются в сугробы и не желают подчиняться ритму похоронного марша. Две трубы, гобой, флейта и ветер выдувают музыку прощания – прощания навсегда.

Я так старалась превозмочь свою боль, побороть болезнь, избавиться от стихов. Я так боролась за свое детство, что не заметила, как оно прошло. Мой ребенок вырос – я выросла. А стихи... Стихи больше ко мне не приходят. Боль ушла. Навалилась глухота, немота, пустота. Я и не знала, что это так страшно.

Мама первой поняла, что со мной произошло, и – сбежала от ответственности: вернулась на работу, сказав, что я уже выросла и опека мне больше не нужна, зато совершенно необходимо развивать во мне самостоятельность. Она меня бросила, попросту бросила, предоставив мне самой разбираться со своей искореженной онемевшей душой, в одиночестве биться в глухой пустоте.

Снег, ветер. Стихи ко мне больше никогда не придут, я это знаю точно. Оркестр смолк, один ветер никак не уймется. Гроб глухо ударился о мерзлую землю... Я простила ее, ну конечно, я ее простила!

Толпы образов толпятся в моей голове – и не выходят стихами. Толпа стоит у не зарытой еще могилы моей мамы... Пора и мне подойти.

* * *

Кто и за что ее мог убить, кто и за что? У нее не было никаких врагов, кроме одного – ее собственного ребенка, которого она лишила детства, на душе у нее не было никаких грехов, кроме одного – предательства по отношению ко мне. Но я простила, отпустила ей грех. Так кто же ее убил?

Нестройной толпой мы возвращаемся с кладбища, садимся в автобус. Папа, Вероника и бабушка поддерживают друг друга под руки, вместе плачут – мамина смерть воссоединила их. Артемий скорбно плетется сзади. Вот к нему пристроилась какая-то женщина – я ее не знаю, – и тоже стала его поддерживать. И только я опять осталась одна.

Пробираюсь в самый конец автобуса, сажусь, придвигаюсь к окну по привычке, чтобы освободить немного места Соне, и тут же спохватываюсь: Соня, какая уж тут Соня? Реальная беда, реальная смерть.

Кто ее убил и за что? Она никому не причинила зла, а я не в счет. Три дня назад мама разбудила меня в школу, выдала завтрак и поспешно ушла на работу. А минут через сорок нам позвонили – я еще была дома. Несчастный случай – так тогда определили ее смерть. Позже выяснилось, что это убийство. А через несколько часов была восстановлена картина ее гибели: кто-то подложил взрывчатку в обогреватель. Мама работала в архиве при университетской библиотеке. Архив находится в подвале, там всегда, даже летом, холодно и как-то промозгло. По технике безопасности пользоваться электроприборами запрещается, но и без дополнительного отопления выдержать трудно. Обогреватель мама прятала под столом, за которым сидела, и, придя на работу, первым делом его включала. Об этом мало кто знал – в архиве она была

одна и по понятным причинам никого из сотрудников библиотеки не посвящала в свою, по существу, вполне безобидную тайну. Так кто же ее убил?

Три дня назад... А сегодня – автобус, и кладбище, и закрытый гроб, похоронный ветер, похоронный снег, официально предьявленная бабушка. Почему она ко мне не подходит?

Автобус тронулся и медленно, словно нехотя, покотился по заснеженной дороге.

Трубку взял папа. Я стояла одетая, с сумкой на плече, полностью готовая к выходу, и смотрела на него. Три дня назад. Он не поверил и расхохотался. И кричал в телефонную трубку, словно глухой: куда вы звоните? Набирайте правильно номер! Вы ошиблись, ошиблись! И на том конце провода тоже кричали – я даже смогла слышать отдельные слова – и пытались его вразумить, что никакой ошибки, Екатерина Васильевна Королева – ведь это его жена?... А он продолжал не верить и отказываться от очевидного.

Мы поехали вместе – полгода назад такое никому и в голову не могло прийти: мою тонкую поэтическую душу холили и лелеяли... Впрочем, и полгода назад мы поехали бы вместе: страдания входили в воспитательный процесс, без страданий и боли стихи я рождала не умела.

По дороге, в такси, папа пытался передать суть телефонного разговора – я ее и так уже поняла – и все восклицал, успокаивая – не меня, а себя, – что это, конечно, ошибка, и сейчас она разъяснится. Первым выскочил из машины, забыл расплатиться, расхохотался, увидев совершенно целое университетское здание.

От взрыва пострадал только архив, погибла только мама. Тот, кто готовил убийство, все рассчитал точно: ему нужна была только эта смерть.

У входа в подвал нас встретил милиционер. Подхватил папу под руку, неприязненно посмотрел на меня и велел остаться. Но я не послушалась, чуть приотстав, протиснулась в дверь вслед за ними. Едкий, страшный запах ударил в нос, глаза заслезились, но я упрямо шла сосредоточившись на папиной вдруг сгорбившейся спине, стараясь не потерять ее из виду – здесь было довольно темно. Несколько раз я приходила к маме на работу, в каком направлении двигаться, знала и так, но сейчас мне казалось: потеряю спину, заблужусь, заблужусь – привести к цели может только папа, заботливо направляемый милиционером. Я понимала: впереди ожидает такой ужас, справиться с которым мне будет не под силу, и думала: даже после этого ужаса простить ее не смогу. Лелеяла нарастающую боль, обманывая себя, надеялась, что это та самая, забытая боль – предвестник стихотворения, рассчитывала, что кошмар с мамой вернет стихи, излечит от поразившей меня немоты. Я шла сосредоточившись... готовилась к кошмару... обманывалась, рассчитывала... И потому не заметила, что коридор, по которому мы идем, – вовсе не пустой коридор, в нем полно народа. И этот народ вдруг обступил меня, как толпы не написанных мною образов, отделил, оторвал от папиной спины, куда-то повлек. Все они о чем-то говорили – яростным шепотом, – пытались в чем-то меня убедить и теснили, теснили. Внезапно мы оказались в ярко освещенной комнате. Неприятно звякнуло стекло, тяжелая рука обняла за плечи, перед глазами запрыгал солнечный зайчик, рожденный в стакане воды, губы намокли, капли потекли по подбородку, назойливый голос умолял успокоиться, был еще звук – отчаянный, нескончаемо долгий, только я никак не могла понять его суть. И вдруг поняла, что это кричит мой папа и что в этом крике виновата я. Госпожа Белая Пешка выходит на середину зала, кланяется... Я не поспела за его сгорбившейся спиной. Госпожа Черная Пешка повторяет ее движения... Я предала его фугами Баха, закрылась в комнате и не поспела за его спиной. Стихи ушли от меня навсегда, немота, немота поразила – а теперь он кричит, и помочь ему некому.

Я вырвалась и побежала, но крик внезапно смолк. За спиной не успела и на крик опоздала. Вот самой бы теперь закричать – человеческим криком или стихами, как в детстве, в фантомном моем детстве. Если бы мама не вернулась на эту работу... Если бы я не перестала писать... Если бы я была обыкновенным ребенком...

Я и тогда, когда бежала по коридору на вдруг смолкнувший крик, тогда, когда ничего еще до конца не было известно, понимала, что никакой это не несчастный случай, а самое настоящее убийство, и я его соучастник. И все же маму простить не могла.

Простила я ее сегодня, на кладбище.

Автобус въехал в город по снежной дороге. Папа, Вероника и легализованная бабушка скорбной кучей сидели на переднем сиденье, Артемий о чем-то разговаривал с незнакомой женщиной, а ко мне никто не подходил. И Сони у меня больше нет. Сначала ушли стихи, теперь Соня.

Заснеженная дорога...

Папу я тогда не нашла. Добежала до пролома – вместо дверного проема оказался пролом, – но в бывшем мамином кабинете его уже не было. Меня опять оттеснили и опять куда-то повлекли. Воздух, холодный и свежий, ударил в легкие, свет ослепил... Вот оно что, меня выпроводили вон, на улицу. Хотела расчистить снег и сесть на ступеньку, но руке отчего-то было неудобно. Поднесла ее к лицу – пальцы оказались сжаты в кулак. Разжала – деньги, сложенная в несколько раз сторублевка. Опустилась на так и не расчищенную ступеньку, расправила бумажку, положила себе на колено и смотрела, смотрела, пытаюсь понять, как она может быть связана с тем, что там, в подвале, произошло со мной. Крик, и шахматы, и страшный едкий запах. Ну да, мама. Люди, которые мне все время мешали, видимо, дали денег на такси. Куда же делся папа?

Я встала, пошла, зажав в руке сторублевку. Подъехала машина, радушно приняла меня в свое нутро. Вспыхнула елка в витрине, слепой Дед Мороз растянул меха немой гармошки – таксист взял с места, новогодняя витрина осталась позади.

Дочь и жена водителя оказались моими поклонницами. Никто еще не знал о постигшей меня немоте, никто еще не знал о том, что произошло сегодня в подвале. Таксист всю дорогу рассказывал о своей семье, а в конце потребовал автограф.

Папа был дома. Папа закрылся в моей комнате и не хотел выходить. Я слышала его рыдания. Я ничего не могла сделать, чтобы оказаться с ним рядом. Стучала в дверь, уговаривала – в ответ раздавались всхлипы. Тогда я позвонила Веронике. Она вот уже три года жила отдельно: вышла замуж – неудачно, развелась, теперь подыскивала себе новую партию.

Вероники ни на работе, ни дома не оказалось, и мобильный ее отчего-то был недоступен. Но через час она приехала сама – из милиции, ей все уже было известно. К тому моменту, как ее вызвали, картина убийства стала совершенно ясна: утром мама пришла на работу, включила обогреватель – привела в действие механизм, привела в исполнение приговор... Кто ее приговорил? Кто и за что? Подозреваемых не было.

Как только явилась Вероника, папа вышел из комнаты. Они обнялись и зарыдали вместе, меня в свой круг не приняв. А вечером приехала бабушка.

Они и сейчас рыдают, обнявшись втроем, на переднем сиденье. Автобус подъезжает к нашему дому. Я поднимаюсь и, не оглядываясь на свою семью, выхожу через задние двери.

* * *

На поминках собрались только самые близкие – родственники и несколько знакомых. Стол накрыли в большой комнате – кто и когда его успел накрыть? Пили водку, много ели и плакали. Это походило на праздник, только там пьют, едят и смеются. В конце концов я ушла в свою комнату. А минут через пять ко мне постучали.

– Сонечка!

Бабушка. Наконец-то! Я думала, она совсем ко мне не придет.

Я открыла дверь. В руках у нее был какой-то сверток. меховая собака? бабушка положила сверток на кровать, посмотрела на меня тем самым взглядом десятилетней давности, когда так неудачно выступила со своим подарком.

– Что это?

– Завтра ведь Новый год и твой день рождения. Поздравляю тебя, Сонечка! – Она подошла ко мне, обняла, с каким-то изголодавшимся наслаждением поцеловала в макушку.

Новый год? День рождения? В самом деле, завтра тридцать первое. Но как неуместны сейчас ее поздравления, как вообще можно сейчас помнить о каких-то праздниках?

– Спасибо. – Я тоже ее поцеловала, приподнявшись на цыпочках – бабушка очень высокая.

– Разверни.

Я села на кровать, развязала тесемки. Платье. Очень нарядное кремовое платье – обыкновенный подарок, без всякого подтекста, просто подарок. Но почему она решила его вручить мне сегодня, в такой неподходящий для подарков и поздравлений день?

– Примерь. – бабушка улыбнулась, расправила платье. – Я немного сомневалась с размером, подойдет или нет.

Боже мой, как это все неуместно! Да разве можно сейчас?...

– Ну, пожалуйста.

Оглянувшись на дверь, я стала стягивать свитер, черный траурный свитер. Не снимая брюк, надела платье.

Она долго, придиричиво одергивала на мне платье, а я все боялась, что кто-нибудь зайдет в комнату, хоть точно знала, что дверь закрыта на замок.

И тут я подумала, что она-то маму не простила.

– Хорошо, очень хорошо! Жаль, что у тебя здесь нет зеркала, сама бы увидела.

Не простила. Даже на кладбище, даже после похорон.

Не простила. За меня, за себя, за свое изгнание.

Я бросилась на кровать в новом, подарочном платье, спрятала голову от кошмара в подушку.

– Сонечка! – бабушка присела рядом, погладила меня по спине. – Поедем ко мне.

– К тебе? – Я приподнялась на локте, удивленно на нее посмотрела: как она может такое предлагать, сегодня, в день похорон мамы? – Но как же?...

Она со значением качнула головой, словно подавала знак, словно мы были с ней заговорицами, словно мы были одни среди толпы не посвященных в нашу тайну.

– Твоего отсутствия никто не заметит.

– Но разве можно сегодня?

– Именно сегодня они не заметят. Именно сегодня! Неужели ты сама этого не понимаешь, неужели еще не увидела?

– Ты тоже ко мне не подошла ни на кладбище, ни в автобусе, ты тоже оставила меня одну!

Она опять качнула головой все с тем же, непонятным мне значением, но на мой выпад ничего не ответила.

– Поедем. В семь придет Игорек. Он тоже хотел тебя поздравить.

Вот как! Значит, она с самого начала предполагала, что сегодня я буду ночевать у нее, подготовилась и нисколько не сомневалась, что я соглашусь. Зачем же тогда она сюда принесла подарок?

Я поднялась, сняла платье, облачилась в свой траурный наряд, и мы тихонько вышли в прихожую. В большой комнате продолжались поминки: слышны были возбужденные пьяные голоса, плач, звяканье вилок о тарелки. бабушка подала мне куртку, оделась сама и, стараясь не щелкнуть замком, открыла дверь.

* * *

Тайны, связанной с сегодняшним днем, у нас не было, но была другая, в общем, в свете последних событий и отношений, вполне невинная тайна. Дело в том, что я давно приходила к бабушке, с тех самых пор, как мама вернулась на работу и меня перестали опекать. Произошло это так. Однажды, возвращаясь из школы, я лицом к лицу столкнулась с бабулей. Я ее в первый момент не узнала, потому что давно не видела. Бабушка рассказала, что все эти годы не выпускала меня из виду, была в курсе всех моих успехов и достижений и вообще в курсе всего. Она даже знала, что мама вернулась на работу, а Вероника вышла замуж, развелась и живет отдельно от нас. А потом бабушка посадила меня в такси и привезла к себе. Еще пару недель назад это можно было рассматривать как похищение, но теперь все изменилось. Никто не заметил, что из школы я вернулась на три часа позже обычного, да и кому было замечать? Моя семья от меня отступилась, чтобы не сказать – отеклась. Но бабушка все еще была под запретом, скорее всего, просто по инерции, имя ее все так же было табу. И потому мы с ней договорились, что приезжать я буду втайне от всех. Даже Веронике, которой давно уже до меня не было никакого дела, я ни разу не проговорила, даже Артемию, который, может, был бы и рад, что я вновь воссоединилась с бабушкой – он почему-то переживал наш разрыв. Я приезжала к ней два раза в неделю. Да, два раза... До того, как со мной не произошло... До того, как я... До того, как у нас с Игорем... Тогда я стала приезжать чаще, гораздо чаще, а в последнее время – каждый день, даже в выходные. Он не мог заполнить вакуум, образованный поразившей меня немотой, он не стал тем толчком, который смог бы породить новые стихи, пусть и совсем другие. Я стала приезжать. И ждать этих встреч. А потом мы начали встречаться не только у бабушки. Она обо всем догадалась, давно догадалась – и нисколько не препятствовала.

Игорь был бабушкиным учеником – Учеником в высоком и полном смысле этого слова. Бабушка – преподаватель французского в университете, в том самом, где находился мамин архив, а Игорь – лучший ее студент, любимый студент, на него она возлагала огромные надежды, пророчила блестящее научное будущее (как будто в наше время такое возможно!). Он приходил к ней на консультации раз-два в неделю. Иногда наши посещения совпадали. Сначала я на него не обращала никакого внимания. Несмотря на бабушкины хвалебные оды в его честь, несмотря на ее признание, что Игорь – давний поклонник моего таланта, знает почти все мои стихи наизусть и восхищается, восхищается. Но потом... Все произошло до нелепости банально. Однажды Игорь пришел, когда бабушки не было дома (ушла в магазин и отчего-то там задержалась) – и мы разговорились. Однажды он вызвался меня проводить до остановки (до дому было нельзя из конспиративных соображений) – и мы договорили то, о чем в прошлый раз не успели. Однажды он пригласил меня в зоопарк – мы смотрели на обезьян и говорили, говорили, договаривали. Однажды он попытался поцеловать меня в подъезде – но щелкнул замок в чьей-то двери, и мы опять стали разговаривать, говорить, договаривать.

Но дело было не только в наших разговорах, хотя ни с кем еще мне не было так легко и интересно. Дело было в другом... Я не знаю, в чем дело. Я ждала наших встреч, потому что понимала: он тоже их ждет, я притворялась возвышенно-поэтически-гениально-непостижимым ребенком, потому что знала: он влюблен именно в этот образ, я старалась, изо всех сил старалась сохранить свою тайну о том, что я давно не ребенок, а с недавних пор даже не поэт. Любила ли я его, полюбила ли теперь? Наверное, это все-таки не любовь. Мне нравилось, что он влюблен, мне нравилось нравиться. До такой степени, что голова кружилась и становилось трудно дышать при встрече – так, вероятно, чувствует себя влюбленный, но вряд ли я была влюблена. Может быть, я вообще не способна полюбить, потому что, в сущности, я ведь страшная эгоистка. Кроме стихов, моих стихов, меня ничто по-настоящему не трогает, потому

что в любой ситуации, в любом соприкосновении с жизнью, в любых ощущениях я ищу только толчок для нового стихотворного выхода. Неужели моя немота никогда не пройдет?

Я не могу об этом не думать, я думаю об этом постоянно, даже сегодня на кладбище думала, в автобусе думала, на поминках думала. Подспудно я думала об этом, когда примеряла платье, так неуместно, кошунственно подаренное бабушкой.

И когда мы в прихожей стояли, прислушиваясь к поминальным говору и плачу в комнате, и когда в такси ехали. И сейчас думаю. Стоя перед дверью – бабушка ищет ключи и никак не находит. Она вытаскивает по очереди из сумки кошельки, какие-то квитанции, губную помаду, телефон, свернутый в несколько раз пустой полиэтиленовый пакет и подает мне. Я принимаю все это и не перестаю думать.

Наконец, когда из сумки все вытащили, ключи нашлись. Бабушка издала радостный вопль, и мы вошли в квартиру.

Я все ждала, когда она заговорит о маме, мне нужно было точно знать, простила она ее или нет. Но бабушка упорно избегала этой скорбной темы. Тогда я спросила прямо:

– Ты ее не простила?

Вышло как-то очень уж враждебно и грубо – я не хотела грубить.

– Я себя не простила. – Бабушка опять качнула головой все с тем же непонятным значением, встала и, не посмотрев на меня, пошла на кухню.

Но я не могла так ее отпустить, побежала за ней, догнала в коридоре, схватила за руку и довольно сильно дернула.

– За что ты не можешь себя простить?

Бабушка остановилась, вздохнула.

– За то, что допустила беду. Я не должна была тогда от вас уходить.

– Но ведь тебя же прогнали!

Мне показалось, что она усмехнулась, но в коридоре было темно, я ее плохо видела.

– Я дала себя прогнать, потому что была не согласна с тем, что с тобой делают, потому что обиделась, потому что... Предпочла закрыть глаза, предпочла оскорбиться, отойти в сторону и не вмешиваться. Если бы я тогда не ушла, не случилось бы... ты была бы нормальным, здоровым ребенком, а твоя мать... Ничего бы не произошло.

Я не видела, смотрит она на меня или нет. Разговаривать в темноте было невыносимо, я протянула руку и включила свет. И так и не поняла, куда она смотрела, потому что обе мы вскрикнули и зажмурились. И тут же раздался звонок – пришел Игорь. Мы так и не успели договорить.

Бабушка бросилась открывать дверь, явно обрадовавшись, что наш разговор прервали.

Игорек неловко затоптался на пороге, посмотрел на меня, вымученно улыбнулся.

– Поздравляю тебя с днем рождения. – Достал из кармана куртки небольшой сверток, протянул мне – все так же неловко и смущенно.

– Вообще-то день рождения у меня завтра, а сегодня...

– Я знаю! – поспешно перебил он и совсем потерялся.

Чувствовалось, что и его эта ситуация с поздравлениями в день похорон тяготит не меньше, чем меня.

– Да что мы здесь под порогом толчемся? – возмутилась вдруг бабушка и с интонациями тамады-зазывалы прибавила: – Гостей так не встречают! Идемте-ка в комнату. Будем отмечать.

Да что она, в самом деле, решила праздновать мой день рождения?!

Мы гуськом прошли в гостиную, самую большую комнату в этой огромной квартире.

– Помогите мне, Игорек, придвинуть стол.

Вдвоем с Игорем они перенесли большой круглый «гостевой» стол к дивану. Бабушка накрыла его белой вышитой скатертью. Я отошла к окну, отвернулась, не желая принимать участия в этом кошунстве.

Стол быстро наполнился разнообразной едой – подчеркнуто праздничной. И когда она успела все приготовить? Неужели с утра, перед похоронами? Почему она так себя ведет? Почему, почему? Это уже не прощением, самым настоящим проклятием пахнет.

– Аграфена Тихоновна! – Игорь раскупорил бутылку вина и вопросительно уставился на бабушку. – Бокалов... сколько достать?

– Разумеется, три!

– Ну да, конечно. – Он суетливо, стыдясь меня, стыдясь своего невозможного положения, достал из серванта бокалы и разлил вино – несколько капель попало на скатерть: красное на белом – кровь на снегу.

Бабушка встала – большая, высокая, торжественная, – подняла бокал, собираясь сказать тост, кивнула нам, чтобы и мы поднялись – Игорь послушно вскочил, я осталась сидеть.

– С днем рождения, Сонечка! С пятнадцатилетием!

– С днем рождения! – эхом отозвался Игорь.

Все выпили. Я тоже отхлебнула немного вина – никогда еще не приходилось мне пить ничего спиртного. Терпкий, вяжущий вкус, пряный запах. Странное ощущение в голове, не сказать, что неприятное. Попробовать еще немного?

Уловив мой жест, бабушка снова поднялась.

– Счастья тебе, здоровья, Сонечка, и больших творческих успехов.

С успехами она опоздала.

– Успехов! – эхом откликнулся Игорь.

Огни за окном отдалились, электричество в комнате засветило приглушенной, голове захотелось на подушку. Я откинулась на спинку дивана и вдруг поняла, что почти не чувствую боли и клонит в сон. Но расслабляться нельзя, нельзя забывать о том, что... мне нужно сказать, высказать... Я встала, подняла бокал и бросила вызов бабушке:

– А теперь мы помянем маму! – И залпом допила вино.

После моего выпада все уткнулись в тарелки, усиленно делая вид, что вдруг жутко проголодались, после моего выпада настроение, и так поддерживаемое искусственно, у всех окончательно испортилось. Но бабушка быстро оправилась, сдаваться она не собиралась. Доев мясо, поднялась, улыбнулась, будто ничего и не произошло, со значением кивнула Игорю:

– Кажется, пора подавать сладкое. Пойду заварю чай и все приготовлю.

Игорь было дернулся уйти за ней, но она опять кивнула – уже сердито, – и ему пришлось остаться со мной.

Бедный, бедный, он ведь не знал всю подноготную наших семейных отношений и совершенно не понимал, как рассматривать эту дикую ситуацию, как вести себя и что делать. Бабушку он уважал до благоговения, судить, а уж тем более осуждать не стал бы никогда, но и принять то, что сейчас происходило, не мог. Вид у него был жалкий и растерянный. Тема для разговора никак не находилась. Да в самом деле, о чем говорить: о моем дне рождения? о смерти мамы? о празднике или похоронах? Поцеловать меня и еще раз поздравить – или сесть рядом, погладить по плечу и выразить соболезнования?

Он бродил по комнате с мучительным выражением лица – и вдруг взгляд его наткнулся на бумажный сверток – подарок, – который я, так и не развернув, оставила на маленьком столике. Он с облегчением вздохнул – тема наконец нашлась.

– А ты и не посмотрела, что я тебе подарил, – сказал с легким укором – не совсем искренним: он был рад, что тогда я не посмотрела, и, значит, сейчас появилась тема.

– В самом деле. – Я повернулась к нему. – Прости!

Игорь перенес сверток на диван, стал разворачивать – меховая собака, платье, он вполне перенял бабушкины жесты, стал больше ее внуком, чем я. Что он явит на свет, истинный ученик, любимый студент?

Книга. На обложке – разрушенный дом, из камней сложены французские буквы. «Quant a moi». Что касается меня. Так называлось одно из моих последних стихотворений.

– Что это?

– Перевод твоих стихов. Пока только в единственном экземпляре, но скоро... Аграфена Тихоновна ведет переговоры с одним из французских издательств...

– Бабушка? Она мне ничего не говорила.

– Да, мы хотели сделать сюрприз. Я так торопился закончить ко дню твоего рождения! Переводил по ночам, днем-то времени мало.

– Ты перевел мои стихи на французский? – наконец дошло до меня. – Зачем?

– Здесь все твои стихи. Все, с самого первого опубликованного. Я и сверстал все сам, и обложку придумал. Тебе нравится?

Он ждал похвалы, благодарности, радости, он очень гордился своей работой и рассчитывал на ответ. Что могла я ему ответить? Что не знаю французского и оценить его труд не в состоянии? Что мои прошлые стихи мне неприятны, как остриженные, мертвые волосы?

Бабушка внесла в комнату поднос: чашки, чайник и сахарница, – и снова ушла на кухню.

– Послушай. – Игорь открыл сборник где-то на середине и стал читать, с выражением, так читают чтецы-декламаторы, не поэты. По ритму я узнала «Костел». Как нелепо звучат родные стихи на чужом языке! Как больно их слушать!

Бабушка внесла торт с зажженными свечами. Мы, все трое, непременно попадем в ад.

– Загадай желание, Сонечка! – Она поставила торт передо мной. – Ну! на одном дыхании!.. Умница!

Игорь вытащил свечи, аккуратно сложил их на пустое блюдце, разложил по тарелкам куски. Бабушка разлила чай. Праздник продолжался.

Около десяти Игорь поднялся, собираясь уходить.

– Ты, конечно, сегодня останешься у нас? – пресекла его бегство бабушка.

– А это удобно, Аграфена Тихоновна... – робко попытался он возразить.

– Разумеется, удобно! – подписала подписку о невыезде бабушка. – Места много. Я постелю тебе в кабинете, а Сонечке здесь, на диване.

Втроем, отчего-то спеша, мы убрали со стола, вернули мебель на свои места и разбрелись по комнатам.

Я легла и, как ни странно, довольно быстро заснула. Наверное, все еще действовало выпитое вино.

Когда я проснулась, за окном все еще длилась ночь: редкие окна соседнего дома светили в полной темноте. Нашупала подсветку часов, посветила – половина седьмого. Значит, не ночь, а утро, раннее зимнее утро. Я полежала немного, проснулась окончательно, и тут вдруг вспомнила, что я у бабушки, что мама моя умерла, а вчера мы праздновали день моего рождения. Мне стало так горько и страшно, что не захотелось больше оставаться ни на минуту.

Я встала, оделась, не зажигая света, выскользнула из квартиры.

* * *

Уже поднимаясь по лестнице, я пожалела, что приехала домой. Начало восьмого, скоро проснется папа. Он не придет ко мне в комнату, чтобы вместе поплакать о маме, станет обходить меня стороной, как вчера на кладбище, как потом на поминках. Как трудно, как невыносимо находиться в одной квартире – и существовать по отдельности! Как же теперь мы станем жить?

Еще вчера, на кладбище, у меня возникло ощущение, что папа в смерти мамы винит меня. В том, что стихи мои кончились, и она вернулась на работу, ведь если бы она не верну-

лась... Он никогда не простит мне ее смерть, как бабушка не простит маму, как, возможно, я не прошу бабушку за то кощунство, которое она учинила вчера.

Идти мне было некуда и не к кому, я поднялась на свой этаж, открыла дверь и вошла. Ну и пусть, ну и ладно, будем жить по отдельности. Я закроюсь в своей комнате, папа, возможно, врежет замок в дверь их бывшей с мамой спальни. Временами нас будет навещать Вероника – по отдельности навещать: стучаться к папе, стучаться ко мне, обходить по очереди комнаты...

Я сняла куртку, повесила в шкаф, разулась. В большой комнате, где вчера были поминки, горел свет. Неужели все еще не закончилось? Но голосов не слышно, звона вилок не слышно. Я, почему-то на цыпочках, прокралась к двери, заглянула. Неубранный стол: грязные тарелки с остатками закусок, пустые бутылки, полные пепельницы, залитая чем-то зеленовато-коричневым скатерть. Тяжелый, тошнотворный воздух. И этот ярко-желтый, отчего-то тоже тошнотворный, электрический свет. За столом, в самом центре – папа. Он не сидел, скорее полулежал – голова его опрокинулась на скатерть, в это самое, зелено-коричневое. Выпил вчера слишком много водки и уснул прямо за столом? Почему же Вероника не позаботилась, не уложила его в постель?

Мне стало очень жалко отца. Я никогда еще не видела его в таком виде, и никого никогда в таком виде не видела, только читала, что так бывает.

Я стояла, не зная, что предпринять, на что решиться. Запах просто сбивал с ног, вся эта ужасная обстановка убивала, никакой жалости к отцу я уже не испытывала, только отвращение и злость. Дойти до такого состояния на поминках, в день похорон, – не меньшее кощунство, чем устроить праздник.

Папа издал какой-то отвратительный хрипящий звук, открыл глаза, поднял голову и посмотрел на меня мутным, незнающим взглядом. От этого взгляда мне стало так страшно, что захотелось сбежать, закрыться в своей комнате и никогда, никогда с ним больше не встречаться. И ни с кем не встречаться. А лучше всего – умереть. И представилось, что, если я сейчас же не убегу, произойдет нечто еще более страшное, чем то, что со мной уже произошло. И моя немота, и мамина смерть покажутся прелюдией к настоящему кошмару.

Но я не убежала, я почему-то осталась. А папин взгляд вдруг изменился, сделался осмысленным, но каким-то злым и враждебным.

– Это ты? А я подумал... – Он сморщился, словно от боли, словно эту боль доставило ему мое присутствие.

– Папа!

– Софья. Софья Королева. Так Катенька приучила нас тебя называть. Ее больше нет, а ты осталась. – Он опять сморщился. – Боже мой, как больно! Я знал... но не думал, что будет так больно.

Больно наедине со мною, без мамы. Больно без мамы, со мной.

– Просто невыносимо больно!

Папа прижал ладони то ли к груди, то ли к животу – и закачался, убаюкивая больную свою душу.

– Дай мне попить. Отвратительный запах, отвратительный вкус во рту. И, боже мой, как тошнит! И голова просто раскалывается. Ты не осуждай меня, Софья. Мне слишком тяжело, слишком! Водка, говорят, снимает боль, я потому... Но мою боль не сняла. Принеси мне воды, ладно? И не осуждай, не осуждай. Наверное, я тебе сейчас омерзителен, но ты все равно не осуждай, скрепись как-нибудь.

Я вышла на кухню. Здесь тоже был страшный беспорядок: грязные кастрюли и сковородки, засохший, не убранный в хлебницу батон, в раковине овощные очистки, – но воздух намного свежее. Папа просил воды, но лучше я сварю ему кофе. Крепкий ароматный кофе лучше всего отбивает неприятный запах и вкус.

Да, кофе. Или позвонить Веронике? Ему больно наедине со мной. Мне тоже больно наедине с ним! И кофе варить я не умею. Этот отвратительный, пьяный, опухший, заросший щетиной старик – не мой отец. Горе его не оправдывает, горе, наоборот, накладывает ответственность...

Кофе должен быть ароматным и крепким, горячим и сладким. Как его варят?

Или просто налить воды из-под крана, отнести и уйти?

Стихи ушли, мама ушла, Соня ушла. Я ведь тоже теперь в полном одиночестве. Это они сделали мою жизнь такой, все они: родители, Вероника, Артемий, а бабушка позволила, отошла в сторону, не захотела загружать себя проблемами. Так что же мне теперь делать?

Кофе варить. Насыпать много, как можно больше вон из той банки, залить водой, поставить на огонь и ждать, смотреть, не отрываясь, чтобы не сбежал, – у мамы часто сбегал, – и не думать, ни о стихах, ни о маме, ни о том, для кого я варю этот кофе.

Не так-то и сложно все оказалось.

Я перелила кофе в чашку, положила две ложки сахара и медленно, чтобы не расплескать, понесла его в комнату.

За то время, пока я была на кухне – пятнадцать-двадцать минут, – отец снова успел уснуть, но тут же встрепенулся и поднял голову.

– Ах, это опять ты?

– Я принесла тебе кофе.

– Кофе? – Он удивленно посмотрел на чашку, попытался поднять ее, но рука сильно дрожала и не слушалась. – Меня мучает страшная жажда, но кофе... Впрочем, да, именно кофе! – Папа усмехнулся и посмотрел на меня так, будто мы вместе с ним о чем-то договорились и теперь полунамека хватит, чтобы понять друг друга. – От воды меня бы стошнило, хотя хочется воды, простой, чистой, холодной воды. – Он снова попытался приподнять чашку, но опять не смог, нагнулся над ней, отхлебнул, шумно вбирая в себя жидкость. Замер, прислушиваясь к своему организму, снова хлебнул. – Хороший, крепкий, но этот вкус во рту не проходит, и тошноту ничем не заглушить, и... боже мой, как же мне больно! – Он вдруг вскрикнул, зажал рот рукой – и его вырвало зелено-коричневым, таким же, как пятно на скатерти – вот, значит, что такое это пятно!

Мне стало невыносимо противно и страшно, и саму затошнило. Я бросилась из комнаты, но у двери вдруг словно запнулась – и осталась, не ушла к себе, не ушла из квартиры. Села на пол, привалилась спиной к стене, стала ждать, что будет дальше: может, понадобится моя помощь, а меня вдруг и не окажется. Папина рука цеплялась за скатерть, словно он падал, падал куда-то вниз, в бездну, и пытался удержаться, лицо его сделалось каким-то сизым, крупные капли пота стекали по лбу.

– Софья! – хрипло, неприятно вскрикнул он. – Подойди, помоги. Мне нужно... Мне плохо.

Я поднялась и, преодолевая отвращение, подошла к нему.

– Да, плохо, ужасно! Но это не важно... это сейчас пройдет.

– Может быть, вызвать «скорую»? Или позвонить Веронике?

– Нет! Не надо ни «скорую», ни Веронике. Сядь... Мне уже лучше. – Он вытер рот концом скатерти, вытер пот со лба. – Отвратительно выгляжу? – Отец усмехнулся и тут же скрипел от боли. – Ничего, потерпи. Скоро все кончится. Я пойду спать – и все кончится. – Он зажмурился – видно, у него все-таки что-то сильно болело. Может, живот? – Ты жила в слишком тепличных условиях, настоящая жизнь тебя не коснулась. Поэзия, музыка, условные, надуманные страдания. Ты ведь и сама не хотела живой, настоящей жизни. Мы – я и мама – всего лишь потакали твоим... – Он опять сморщился. – А ты теперь думаешь... Мы ни в чем перед тобой не были виноваты, ни в чем! Но я не о том хотел... Уже наступило утро, и времени мало: мне пора идти спать. Который час?

Я посмотрела на часы на стене за его спиной.

– Двадцать пять девятого.

– Да-а, еще меньше, чем я думал. Пора уходить. – Папа нагнулся к столу, наклонил чашку, допил жадными глотками кофе. Помолчал, нахмурившись – наверное, тошнота мучила, и он боялся, что опять вырвет. Я невольно отодвинулась. Ничего, обошлось. Он сглотнул слюну, криво улыбнулся. – Ты мне должна... нет, просто обязана ответить, и ответить честно. Не бойся последствий, ничего не будет, но мне ты не имеешь права солгать... Это ты приходила? – Он в упор смотрел на меня. – Ты?

– Куда приходила?

Отец вздохнул, потер лоб, но взгляда от меня не отвел. Кажется, в чем-то он хотел меня обвинить – я не понимала в чем.

– Ночью, сюда.

– Я была у бабушки.

– Видишь ли, Софья, наша жизнь давно уже пошла наперекосяк. Почему так получилось? Нет смысла сейчас искать виноватого, но... А сегодня ночью... Я был очень пьян и, кажется, спал. Вот здесь, за столом, и уснул... Мне снилось... Ну да, все то же, только прибавилось кладбище... А потом – шаги по коридору и хлопнула входная дверь. Я уже не спал, я проснулся, шаги и дверь я слышал наяву. Хоть я и пьян был, но могу поклясться!.. И эта рюмка водки – я ее добровольно выпил, потому что прекрасно понял, что жить без Нее не смогу, что это Она прислала, через живого посланника... Но... Скажи мне, ты понимаешь, о чем я?

– Н-нет, не понимаю. Давай я помогу тебе дойти до спальни, лечь в постель...

Я поднялась, протянула ему руку, но он руку оттолкнул и посмотрел злобно.

– Не понимаешь или не хочешь сказать?

– Я ничего не понимаю, папа!

Позвонить Веронике, одна я не справлюсь. За что он меня так мучает? Напился пьян и теперь мучает. И так, наверное, будет всегда, каждый день: он будет напиваться и мучить.

– Пойдем лучше спать, ну, пожалуйста!

Отец уцепился за скатерть и ни за что не хотел подниматься. Сидел, молчал, морщился от какой-то таинственной боли. Так прошло очень много времени: он сидел и молчал, я стояла возле него. Мне было мутно и страшно и отчего-то холодно. Хотелось уйти, убежать.

– Я ведь не только шаги и дверь, – снова заговорил папа, – я голос слышал. Только никак не могу вспомнить – ее или твой.

– Я не приходила сюда ночью, честное слово!

– Ага! Понимаешь! Значит, все-таки... Ладно, пора. – Он подал мне руку. – Веди.

Поднять его оказалось так трудно, что я совершенно выбилась из сил – ноги отца не держали, и опоры в руках не было. Совсем непосильной задачей оказалось довести папу до спальни и уложить в постель. Несколько раз мы с ним падали, с огромным трудом поднимались. Последние метры преодолели ползком – его опять вырвало, он окончательно ослабел. На кровать взбирались, как на Эверест.

Я укрыла его свободным (с маминой половины) концом покрывала, открыла форточку и, измученная, с надорванной душой, ушла в свою комнату. О том, чтобы убрать со стола, вытереть ужасные зеленые слизкие лужи, продолжать как-то жить в сегодняшнем утре, не могло идти речи. Я закрыла дверь на замок, бросилась на кровать и отключила свой мозг.

* * *

Время длилось и длилось, стучали часы, с улицы доносились звуки вполне зрелого утра. Я все слышала и ощущала, но восприятие было как у человека, впавшего в кому: внешняя жизнь не соотносилась со мной, меня не касалась.

Хлопнула входная дверь. Что это? Отзвук папиного ночного видения? Чужая дверь в незнакомой квартире? Или конец болезненному моему покою, или начало спасения? Шаги в коридоре – оживленные шаги пришедшего с улицы человека. Значит, в нашей квартире дверь, значит, конец или начало. Это, конечно, пришла Вероника, узнать, как папа, узнать, что со мной. Я свою дверь не открою, а папа, наверное, все еще спит.

Вскрикнула, охнула, чертыхнулась. Увидела безобразие в большой комнате? Заглянула в спальню к отцу? Быстрые, частые шаги по коридору – шарканье тапок. Где-то вдалеке зазвонил телефон – шаги побежали, обрели голос. Все это меня не касается.

Хорошо бы уснуть...

Часы стучат, шаги суетливо перебегают из комнаты в кухню, звенит посуда, за окном разорвалась петарда. Я думала: отсутствие детства вполне искупило мои стихи, оказалось, что и этого мало. Я думала: немота – достаточная кара, но и ее не хватило. Мама умерла, бабушка устроила пляски на ее могиле, отец... А теперь еще и сон не идет.

Как же мешают шаги, и часы, и улица! Не уснуть, ни за что не уснуть... Часы на стене расплылись зелено-коричневым безобразным пятном, со стрелок стекают капли пота. Не рассмотреть, который час, стекло туманится. Подойти, протереть рукавом. Стол на пути встал непреодолимой преградой.

– Помнишь, как мы танцевали в шахматы?

– Помню. За этим столом. Они спотыкались и падали, скатывались вниз и кричали от страха и боли. Стучали и кричали, стучали и кричали. И даже музыка помочь не могла.

– Они и сейчас стучат и кричат.

Нет! Это стучит и кричит Вероника, сестра моя Вероника.

Я вскочила, рванула замок, распахнула дверь.

– Софья! – Вероника, растрепанная, страшная, схватила меня за плечи и выдернула из комнаты в коридор. – Папа... наш папа...

– Да, я знаю. – Голова туманилась, как стекло на часах, я никак не могла подобрать слова, чтобы потушить ее отчаяние. – Слишком много водки, большое горе, он никогда не пил раньше. – Я неуклюже прижала ее голову к себе, неумело погладила. – Мы должны потерпеть, преодолеть отвращение. Я помогу тебе все убрать.

Она обняла меня, крепко-крепко, двумя руками, словно связала, и вдруг пронзительно, страшно завyla. Она никогда так не выла, даже когда мама умерла, даже на кладбище. Я задержалась в ее объятиях, закричала от ужаса. Тогда и она закричала. Мы стояли, намертво приросшие друг к другу, и кричали. Это было что-то вроде обоюдного припадка. Первый раз в жизни что-то обоюдное, родственное, сестринское.

– Софья... – Вероника ослабила объятия. – Соня... – Она совсем меня отпустила. – Сонечка! – Сестра посмотрела на меня с невыразимой, больной какой-то нежностью. – Наш папа... папа наш... папа-то ведь наш умер.

Я тоже с нежностью, с благодарной восторженной нежностью посмотрела на нее – я совершенно не поняла, о чем она мне сказала.

– Мы потерпим, правда? Это ничего. Просто горе большое. Я помогу тебе все убрать. – И шагнула к ней, чтобы снова обнять и сказать еще что-нибудь доброе, поддерживающее. Но Вероника вдруг оттолкнула меня, страшно побледнела и стала медленно, цепляясь за косяк, как папа за скатерть, сползать на пол.

Обморок! С этим я знаю, как справиться, у меня тоже бывает... Воды в лицо, в аптечке есть нашатырь. Да можно и так, просто водой, ампулу долго пилить...

Я бросилась на кухню, набрала в кружку воды из-под крана, побежала обратно.

Но Вероника уже сама пришла в себя, сидела на полу и терла виски.

– Как ты? Получше? – Я протянула ей кружку. – Попей.

Кружку она не приняла, посмотрела на меня тоскливо.

– Пойдем к нему. Побудем рядом, пока можно, пока его не увезли. Попрощаемся.

Я не поняла, о чем она, я все не понимала. Подала ей руку, помогла подняться. Мы вместе пошли к папе в спальню, перешагнули через отвратительную лужу возле двери. У кровати тоже была лужа, и покрывало все было в зелено-коричневом. Папа спал, неудобно свесив голову вниз, пальцы вцепились в подушку.

– Я не могу, не могу! – Вероника обхватила лицо руками и зарыдала.

Я подошла к отцу, приподняла его голову, положила на подушку – и тут вдруг все поняла: он умер, мертв... Вот все и кончилось...

Глава 2

Расследования частного детектива Андрея Никитина

Клиент не пожелал разговаривать с секретаршей (Андрей завел ее два месяца назад в комплекте с новеньким офисом, до сих пор пахнущим свежей краской и новосельем, курьером Денисом и компьютерным гением Вениамином Балаклавом). Не пожелал представиться. Не пожелал сам подъехать в агентство и изложить суть своей таинственной проблемы. Он настойчиво требовал соединить его напрямую с Никитиным и не шел ни на какие компромиссы.

Тихим, каким-то шелестящим голосом мужчина поинтересовался, не может ли детектив Никитин уделить ему свое внимание, сегодня, часов, скажем, в восемь.

– Никаких проблем! Приезжайте! – весело заявил Андрей, пытаясь подбодрить пугливого недоверчивого клиента, и стал диктовать адрес. Но был прерван вежливым, настойчивым покашливанием и таким же вежливым, но настойчивым отказом приехать в офис агентства «Инкогнито».

– Как же тогда вы полагаете встретиться? – удивился Никитин. – У вас есть какой-то свой вариант?

Вариант у странного клиента был и заключался в том, чтобы Андрей сам приехал на встречу, а именно – в гостиничный комплекс «Теремок», в коттедж номер двенадцать. Растерявшись от такой вкрадчивой наглости, Никитин согласился.

Но никакой встречи не получилось. К восьми часам он подъехал к «Теремку», отыскал нужный коттедж и постучал в дверь. Ответа не последовало. Тогда Андрей толкнул дверь – она оказалась не заперта. Домик был пуст, клиент то ли опаздывал, то ли куда-то вышел, то ли вообще не пожелал явиться на встречу. «Розыгрыш! Глупый предновогодний розыгрыш», – обиженно подумал Никитин, но тут в глаза ему бросился белый конверт на столе под лампой – лампа была стилизована под старину и горела свечным каким-то, мягким светом. Прежде чем взять конверт, он зачем-то посмотрел на часы – десять минут девятого, – протер очки, взглянул, есть ли надпись – надписи не было, расположился в кресле и только тогда протянул руку за таинственным посланием. Но ознакомиться с содержимым не успел – раздался телефонный звонок. Он положил конверт на место, вороватым каким-то движением, словно вдруг засомневался, что письмо адресовано ему, и взял трубку.

– Да, я вас слушаю.

В ответ раздались шорох и покашливание, словно человек на том конце провода не знал, с чего начать, или не решался заговорить и набирался духу. Наконец сквозь помехи пробился голос утреннего таинственного собеседника и осторожно поинтересовался:

– Андрей Львович?

– Да, это я.

– В таком случае... – начал телефонный человек-инкогнито, но опять замолчал.

И тут уж Андрей не выдержал:

– Слушайте, перестаньте заниматься ерундой! Объясните, в конце концов, в чем дело? Давайте встретимся, поговорим, обсудим вашу проблему.

– Понимаете, Андрей Львович, встречаться нам абсолютно ни к чему. Да это и невозможно.

«Может, калека, прикованный к постели или инвалидному креслу, а я на него так напустился», – устыдился Никитин.

– Ну, хорошо, – сказал он мягко и с сочувствием. – Но изложить суть дела вы можете?

– Разумеется. – Мужчина вздохнул. – На столе, под лампой, конверт. В нем двести долларов. Это вам за то, что приехали на встречу сами. Гонорар обговорим позже. Но прежде чем возьметесь за дело, вы должны обещать, что станете соблюдать полную конфиденциальность.

– Ну, разумеется!

– Нет, вы меня не совсем поняли. Речь идет не просто о тайне, а о полнейшей секретности: вести свое расследование вы будете втайне даже от тех, с кем придется непосредственно работать. Инкогнито! Ваше агентство ведь так и называется? Так вот, работать вы будете инкогнито.

– Ну, хорошо, – не очень уверенно согласился Андрей: все это было странно.

– В таком случае перейдем к сути. Вчера, в половине девятого утра, в библиотечном архиве госуниверситета сработало взрывное устройство, – монотонно, словно читая написанный на листе бумаги текст, проговорил мужчина.

– Взрыв в университете? Я слышал об этом. Только не знаю деталей...

– Погибла работник архива Королева Екатерина Васильевна, – продолжал «читать свой текст» мужчина. – Судя по всему, это было хорошо подготовленное убийство. Взрывное устройство убийца вмонтировал в обогреватель. Как только Екатерина Васильевна включила его, бомба сработала, произошел взрыв. Убийца хорошо рассчитал, он знал ее привычки: первым делом Екатерина Васильевна, приходя на работу, всегда включала обогреватель – в архиве прохладно, – потому и вмонтировал устройство туда. Кроме нее, в этот час в кабинете никого не могло оказаться. Разве что случайно. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу. И самое главное – его имя вы должны назвать только мне, и больше никому. Имя – и доказательства вины. Помните о нашем договоре?

– О договоре я помню, но... Допустим, я найду убийцу и смогу доказать, что преступник – Петров Иван Сидорович, а дальше? Ведь убийца не может разгуливать на свободе, не должен остаться безнаказанным. Убийцу я просто обязан передать в руки милиции.

– Конфиденциальность будет хорошо оплачена.

– Да поймите вы, я не имею права держать в тайне от органов...

– Милиция не должна ничего знать! Это самое главное условие.

– В таком случае я становлюсь соучастником преступления!

– А в противном случае убийца вообще не будет найден. Поймите, вы должны его только найти, карать – это уже не в вашей компетенции. И потом... – мужчина замялся, видимо не решив еще, говорить ему или нет, – есть один нюанс. – Он опять помолчал в нерешительности. – Убийца и жертва в ходе вашего расследования вполне могут поменяться местами.

– Как это – поменяться местами? – удивился Никитин. – Что вы имеете в виду?

На этот раз мужчина замолчал надолго, так надолго, что Андрею показалось: связь прервалась.

– Алло, вы меня слышите? – прокричал он в трубку.

– Жизнь изменить, родить себе новую девочку, все еще можно исправить, – нараспев «прочитал по бумажке» загадочно бредовую фразу его собеседник. Андрей засомневался в его рассудке и хотел отказать, категорически и твердо, но, сам не зная почему, вместо этого сказал:

– Хорошо, я займусь вашим делом.

– Вот и прекрасно! – обрадовался мужчина. – В таком случае будьте добры открыть средний ящик стола.

Никитин послушно выполнил просьбу. В ящике обнаружилась зеленая плотная пластиковая папка.

– Там вы найдете необходимые для начала расследования материалы и аванс. Я позвоню вам завтра в шесть. Буду звонить вам каждый вечер в это время. Мне бы хотелось знать номер вашего мобильного, чтобы иметь возможность общаться с вами напрямую, а не вступать каждый раз в переговоры с секретаршей.

Андрей продиктовал номер.

– И еще. Послезавтра, тридцатого декабря, состоятся похороны Екатерины Васильевны Королевой на Ивановском кладбище. Мне кажется, вам необходимо на них присутствовать, инкогнито разумеется. Ну, вроде все. До свидания.

В трубке слышались частые гудки. Андрей некоторое время вслушивался в них, словно ждал, что гудки исчезнут и его таинственный собеседник вернется, но, конечно, так и не дождался. Повесил трубку, раскрыл папку. Сверху обнаружился точно такой же конверт, какой лежал на столе, а в нем деньги – аванс. Под конвертом – фотография – явно семейная и явно не новая. Кроме того, в папке Андрей нашел три сборника стихов Софьи Королевой (маленькая поэтесса, как же, как же, помнит он ее, однажды Настя с Татьяной затащили на концерт, где она выступала) и несколько листков отпечатанного текста: биографические сведения обо всех членах семейства и некоторых близких знакомых. Он бегло просмотрел бумаги, сложил в папку, тщательно затушил окурок в пепельнице и вышел из коттеджа.

* * *

Никто не должен знать о его расследовании обстоятельств убийства Екатерины Васильевны Королевой – главное условие договора. Оно связывало Андрея по рукам и ногам, совершенно не давало развернуться. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы обратиться к Бородину, хорошему знакомому и милицейскому майору, за помощью. Не мог он откровенно поговорить и с Татьяной, которая, оказывается, лично знала поэта Артемия Польского, близкого друга семьи Королевых и поэтического опекуна Сони. Не мог открыто прийти в университетскую библиотеку и, честно представившись частным детективом, выудить сведения о личной жизни, привычках, знакомствах и пристрастиях Екатерины Васильевны у ее коллег. Ничего он не мог. Как же тогда расследовать? Даже Вениамина и Дениса он посвятил в суть дела, взяв с них страшную клятву, что ни одна живая душа ни о чем не узнает. А секретарше Оле вообще пока решили ничего не рассказывать. Совещание совета сыщиков проходило за закрытыми дверями, и Оля ужасно обиделась.

В конце концов распределили силы таким образом. Дениса, он больше всех подходил на роль студента – охмурителя старых библиотечных дев, отправили в университет. Вениамин, у него давно уже болел нижний левый зуб мудрости, поехал в клинику. Андрей же пошел «устраиваться» на работу учителем права в школу, где Вероника, старшая дочь Королевых, преподавала биологию.

Результат этих карнавальных переодеваний превзошел все ожидания: и Денис, и Вениамин, и Андрей получили, не особо напрягаясь (любители обсудить чужие дела в любой организации найдутся), исчерпывающие ответы на все интересующие их вопросы. Вот только расследованию причин убийства это нисколько не помогло, потому что причин-то, как выяснилось, совершенно не было. Ни у Екатерины Васильевны, ни у ее мужа, Романа Кирилловича, любовных связей на стороне не имелось – ревность, значит, автоматически исключалась. Особого богатства в семье не наблюдалось, родственников-миллионеров, готовых вот-вот отдать Богу душу ради повышения благосостояния Королевых, не было – наследство, следовательно, как причина тоже отменялось. Стоматологический частный кабинет главы семьи не представлял никакого интереса для бандитов. Да убивать ее вообще было не за что!

А может быть, Королеву убрали как опасного свидетеля, которым она случайно стала?

Нет, тоже не вяжется. Зачем было придумывать такую сложную схему убийства: архив, взрывчатка в обогревателе? Да ее бы просто сбили машиной или стукнули по голове в темном переулке!

Что же еще?

Не ревность, не наследство, не конкурентные игры, мечь тоже вряд ли. Самая обыкновенная семья, не за что зацепиться. Самая обыкновенная... Нет, не так: была бы самой обык-

новенной, если бы в этой семье не появилась девочка Соня, поэт-вундеркинд, чудо-ребенок. Но она-то уж точно ни при чем.

Так кто и за что убил Королеву? Кто и за что?

В шесть часов все разошлись, офис опустел. Только Андрей уходить не торопился, хотя дома его ждала Настя и сын Сашенька – ему необходимо было побыть в одиночестве и еще раз все хорошо обдумать. Весь день длилась какая-то суета, беготня, эти идиотские наигранные разговоры с завучем школы, с учителями. Конечно, происходящее мешало, раздражало – нормальные мысли не рождались, версии не клеились. Андрей ждал: разойдется народ, он заварит себе чашечку кофе, откинется в кресле, закурит, закроет глаза – и все поймет: картина убийства выстроится, цель и причины станут ясны. И так он все это себе ярко представил, что дождаться не мог, когда наконец закончится рабочий день.

И вот он остался один. Но тут вдруг понял, что вовсе не хочет выстраивать никакие версии убийства, и кофе никакой ему не нужен, и глубокомысленное курение ни к чему – не для того, совсем не для того он так ждал уединения. Андрей закрыл дверь на ключ, опустил жалюзи, отключил телефоны и воровским каким-то движением, словно таясь от самого себя, достал сборники стихов Софьи Королевой. Да нет, какая она к черту Софья? Соня, Сонечка.

Она и тогда, на концерте, куда затащили его Настя с Татьяной, произвела на него очень сильное впечатление – не столько ее стихи, сколько она сама: этот недетский голос, этот недетский взгляд, эта совершенно недетская манера читать, – но он постарался поскорее прогнать впечатление. Слишком это было больно и отчего-то стыдно. После концерта специально пригласил Настю с Татьяной в ресторан, заказал вина, много, громко и почему-то пошло и плоско шутил. Но голос, ее, Сонин голос, никакими шутками и никаким вином заглушить было невозможно, он звучал и звучал в голове, хотелось разрыдаться, и неприятны стали подавленные Настя с Татьяной.

Проступит на ладони кровь,
И я тайком ее слижу.
Ты улыбнешься, бросишь кость —
Как волк голодный, отвернусь... —

начала озвучивать Татьяна стихи, которые не выходили из его головы, и вдруг сорвалась, всхлипнула и выбежала из-за стола.

Соня, Сонечка Королева. Он все-таки тогда смог от нее излечиться, смог избавиться, смог забыть. И вот теперь снова Соня.

Андрей разложил сборники в хронологическом порядке: пятилетний, девятилетний, тринадцатилетний. Три ступеньки недетского детства, три фотографии: пять, девять, тринадцать – история высокой болезни. Соня. Сонечка Королева – Софья Королева, если верить обложке. Теперь так просто от нее не избавишься. Мать ее, Екатерина Васильевна, самая заурядная в мире женщина, позавчера была убита, и его наняли, чтобы расследовать убийство. Почему он не отказался, не сбежал, поводов для этого было сколько угодно? Вероятно, из-за той сумасшедшей таинственной фразы, которую произнес, словно зачитал по бумажке, загадочный клиент: «Жизнь изменить, родить себе новую девочку...» Заинтриговала она его, прямо-таки загнипотизировала. Что он имел в виду? Откуда взял эту фразу? Что она значит?

Что бы ни значила, она таит в себе явную угрозу Соне. Только в чем состоит эта угроза? Вот на этот вопрос и нужно искать ответ.

Нет, не на этот, вовсе не для того его наняли. Наняли его, чтобы убийцу нашел, объектом его забот и размышлений должна быть не Соня, а ее мать. А впрочем... Он ведь – клиент, не пожелавший представиться, – передал для чего-то сборники Сониных стихов. И потом, была еще одна фраза, не менее загадочная: «Убийца и жертва могут в ходе расследования поме-

няться местами». Так, может, он Соню и имел в виду, может, нанял его не столько для того, чтобы найти убийцу матери, сколько для того, чтобы оградить от опасности дочь? От кого же тогда может исходить опасность?

Андрей достал фотографию, которая была вложена в папку как часть досье на семью Королевых. Старая фотография, примерно семилетней давности, если судить по Соне – ей здесь не больше восьми. Екатерина Васильевна – мать, Роман Кириллович – отец, Вероника – сестра, Аграфена Тихоновна – бабушка, Артемий Польский – друг и поэтический опекун, а в центре она, Сонечка. Зачем ему передали эту фотографию? Почему именно эту, а не какую-нибудь другую, поновее, посвежее? Может ли в ней таиться разгадка? Возможно, на ней снят убийца. Ну, или клиент его так думает, подозревает кого-то из семьи.

Андрей провел кончиком пальцев по фотографии. Кто же из этих людей вероятный убийца?

Ну, конечно, не он, не Роман Кириллович. Слишком добродушное, слишком простоватое у него лицо – совершенно не годится он на такую роль. Бабушка, Аграфена Тихоновна? Не смешно. Вероника? Здесь ей, должно быть, лет девятнадцать-двадцать. Не очень симпатичное, надо признать, лицо для столь юной девушки. Не очень симпатичное и явно озабоченное желанием выйти замуж – за приличного, по возможности обеспеченного. Сегодня в школе он видел ее мельком – она мало изменилась, и желание не притупилось, хоть замужем успела побывать. Но вряд ли и она годится в кандидаты в убийцы, тем более родной матери. Артемий? Как знать, как знать! Прощупать его очень даже стоит. Причина? Причин на поверхности нет никаких.

Соня...

Андрей открыл наугад третий, самый «взрослый» ее сборник. Обругал себя, что не тем, вовсе не тем занимается: нужно анализировать причины и следствия, убийцу искать, а не препарировать Сонину душу, не ковырять свою давно затянувшуюся рану. Приказал себе немедленно закрыть сборник, но понял, что поздно, болезнь вернулась, и поделаться с этим все равно ничего нельзя. Тогда он пошел на компромисс со своей совестью: сделал вид, что стихи ему необходимо «изучить» для того, чтобы лучше понять характер одного из членов семьи и возможную новую жертву, и вообще... для дела, для непосредственного его дела это нужно. Удивительный, странный ребенок, так по-взрослому мыслящий. Ребенок, один из членов семьи которого, возможно, убил... Может, в этом-то и содержится разгадка ее недетской боли? Она родилась и жила все годы в ожидании катастрофы, в предчувствии ужаса?

Но кто мог все-таки убить ее мать?

Андрей с сожалением отложил сборник и снова принялся изучать лица на фотографии. Один из этих людей убийца. Или он неверно понял посыл, не так его растолковал? А что, если на снимке вовсе не подозреваемые, а будущие жертвы? Но ведь тогда получается, и Соня?...

Он должен срочно найти убийцу, во что бы то ни стало – найти!

Но если на снимке жертвы, и заказчик об этом заранее знал... выходит... Ну да! Выходит, что он и есть убийца! Убийца или сообщник убийцы. Теперь понятно, почему клиент повел себя так таинственно и ни за что не захотел встречаться непосредственно. Как же ему это раньше не пришло в голову?

Но кто это может быть? Скорее всего – да почти наверняка так! – он связан с семьей Королевых. Дальний родственник или знакомый. В любом случае – сумасшедший, затеявший страшную игру. Как же его вычислить?

Андрей закурил сигарету, откинулся в кресле, закрыл глаза. Не хватало только чашечки кофе – и полный комплект условий для плодотворной работы мысли, о котором он сегодня мечтал, был бы готов. Но и без всякого кофе голова работала прекрасно. Картина убийства проступала все яснее, психологический портрет убийцы был почти завершен. Сумасшедший, но дерзкий, решительный, смелый, расчетливый человек, возможно, в жизни выглядит уравновешенным и спокойным, и о его психическом отклонении никто не догадывается. Считает

себя намного умнее окружающих. В этом его сила и слабость: сознание интеллектуального превосходства придает ему уверенность в себе, в своих поступках – он идет напролом и не сомневается, но в таких случаях всегда есть вероятность того, что однажды нарвешься на умника и проиграешь.

Почему он решил истребить семью Королевых? Почему именно их? Чем отличается эта семья от других? Ответ очевиден: Соней, чудо-ребенком. Соня его уязвила – своими стихами, своим талантом.

Какой из этого можно сделать вывод?

Он человек не талантливый и осознает это, страдает от этого. Возможно, он тоже поэт.

Поэт, близкий знакомый Королевых, – Артемий Польский. Что же тогда получается?

А ничего не получается! Артемий тоже на фотографии, следовательно, тоже потенциальная жертва. Хотя... Если исходить из предполагаемого психологического портрета, он, как человек, считающий других дураками, вполне мог бросить такую явную подсказку, чтобы потом посмеяться над идиотом, не сумевшим решить простую задачу. Бросить явную подсказку и запутать таинственными фразами вроде: «Жертва и убийца могут поменяться местами» и «Жизнь изменить, родить себе новую девочку». А впрочем, и эти фразы – тоже подсказки, только понимать их не нужно буквально. Артемий Польский – известный, уважаемый, заслуженный и так далее поэт. Жил себе не тужил, писал стихи, любил их, гордился ими, ощущал себя гением. А тут вдруг появляется девочка Соня и все перечеркивает. Да что там перечеркивает – убивает его как поэта. Убийца и жертва. Кто убийца, кто жертва в таком случае? Но еще есть возможность изменить жизнь: родить себе новую девочку, то есть найти новую звезду, но такую, которая не перечеркивала бы, а, наоборот, оттеняла его талант.

Все сходится, загадка разгадана. Теперь остается найти доказательства и обезвредить убийцу.

Ничего не сходится! Если Соня так уязвляла его своими стихами, зачем тогда он эти самые стихи донес до публики? Ведь это именно Артемий Польский «открыл» Соню Королеву, пробивал ее первые публикации, без его посредничества не вышло бы ни одного сборника. Зачем он все это делал? И потом, при чем тут остальные члены семьи Королевых? Ну, хорошо, Соня ему мешает, но ведь Екатерина Васильевна не писала никаких стихов.

Вся выкладка никуда не годится, версия расплывается по швам. Кажется, он сам все слишком запутал, накрутил, навертел. Нужно начинать все сначала.

Андрей поднялся – пора идти домой, он уже и так непозволительно долго задержался. Настя, наверное, волнуется, он ведь и телефоны отключил.

Вот черт! Какой дурак! Ему ведь должен был с шести до семи позвонить заказчик. Как же он мог забыть? Уже давно восьмой час.

Телефон зазвонил сразу, как только Андрей его включил. Номер не определился. Андрей взял трубку и нажал на кнопку записи. Он прекрасно понимал, вряд ли ему это что-то даст, заказчик наверняка просчитал такую возможность и соответственно подготовился (звонит не сам, а его сообщник или нанятый вслепую человек), но все же решил разговор записать, так, на всякий случай.

– Ну, как продвигается дело? – с места в карьер начал заказчик.

– Продвигается.

– Есть результаты?

– Можно сказать и так. – Андрей мысленно обругал себе за то, что отвлекся, не подготовился к разговору и теперь не знает, как его повести. Нужно было подловить заказчика, расставить ему ловушки, заставить выдать себя хоть чем-нибудь. – Во всяком случае, я сделал определенные выводы, – значительно произнес он.

– Очень хорошо, у вас не так много времени.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Андрей.

– Новогодние праздники! – со сдержанным злорадством, словно ему удалось подловить дурака, сказал мужчина. Или Андрею только так показалось? Может, он все же ошибся, сделал неправильный вывод, и его клиент к убийству не имеет никакого отношения? – Трудно вести расследование, когда все распущены на каникулы, организации закрыты. Ну и самое главное – убийцу нужно искать по горячим следам, время играет не на вас, а на него. Преступник и жертва могут поменяться местами, помните, я вам говорил?

– Да, черт возьми! – взорвался Никитин. – Трудно вести расследование в праздники, когда у всех выходные, но еще труднее его вести, когда клиент, вместо того чтобы помочь разобраться и предоставить все известные ему факты, на которых можно было бы базироваться, запутывает дело, говорит загадками, бросает какие-то намеки. Знаете, у меня создалось впечатление, что вы вовсе не заинтересованы в том, чтобы я нашел убийцу, и, возможно, даже этого боитесь. Зачем же тогда вы меня наняли?

– В чем-то вы правы, – очень серьезно и как-то печально проговорил мужчина, – мне действительно страшно будет узнать имя убийцы, потому что... Ну, вы меня поймете, если все-таки распутаете это дело и если мои предположения подтвердятся, но... Я не мог к вам не обратиться, я... Мне надо знать. А вы ищите. И поторопитесь, пожалуйста.

– Я-то ищу.

– Не забудьте, что завтра похороны, вы обязательно должны на них быть. Ну, всего доброго. Желаю успехов.

Клиент отключился. Андрей погасил везде свет и вышел из офиса.

* * *

Простуженно и словно через силу играл похоронный оркестр, то заглушая завывания ветра, то сливаясь с его голосом в скорбном плаче. Молчаливая процессия провожающих в последний путь Екатерину Васильевну Королеву остановилась у зияющей черной ямы. Глухо стукнулся о землю гроб. Визгливо вскрикнула какая-то женщина. Андрей выглянул из-за гранитного памятника некоего Вакуленко, за которым прятался, – никакая это не женщина, это Роман Кириллович. Зарыдал, упал коленями на снег, вцепился в деревянную крышку гроба. Вероника, старшая дочь, попыталась его поднять на ноги, оттащить, но он стал отбиваться, размахивать руками, словно в драке. Аграфена Тихоновна пришла было внучке на помощь, но он и ее отогнал, зло, даже с какой-то ненавистью прокричал, чтобы его оставили в покое, это его право, это его Катя, и снова приник к гробу. Смотреть на это было невыносимо, и Андрей отвернулся и уставился на фотографию Вакуленко. Оркестр, словно хозяин дома, который чувствует ответственность за поведение гостей и за соблюдение этикета, нарочито громко и даже как-то оживленно заиграл вновь. Провожающие придвинулись ближе к могиле. Андрей обошел гранитное укрытие с другой стороны и пристроился возле ограды. Отсюда наблюдать было удобнее, и памятник, будто щит, защищал от ветра. Он очень замерз, и хотелось курить. Голова была как чужая от бездарно растроченной ночи. Он ни на минуту не смог уснуть, хоть изо всех сил старался, настраивая себя на приятные мысли. О том, например, что Сашеньке позавчера исполнилось три месяца, что скоро Новый год и проведут они его втроем, что нет ничего счастливей и лучше этого. Но счастья не ощущал, душой прочувствовать не мог. Мысль сбивалась и уходила совсем в другую сторону, лицо сына загораживал другой ребенок – Соня Королева с пятилетней фотографии на первом сборнике. Назойливо звучали стихи, и отчего-то рождалась смутная, но очень острая обида на Настю.

Вакуленко Вадим Сергеевич, розоволицый, смеющийся человек... Он и не заметил, как опять обошел памятник. Ноги совсем задеревенели от холода. Наверное, потому и пошел – непроизвольные действия замерзшего человека: двигаться, чтобы согреться.

Зачем заказчику понадобилось, чтобы он обязательно явился на похороны? Что он здесь сможет увидеть, узнать? Скорбная толпа провожающих, обезумевший от горя Роман Кириллович – вон он, так и сидит на снегу у гроба. Соня чуть-чуть в стороне от остальных. Соня... Странное в ней что-то, неестественное. Только никак не определить, в чем эта странность. Вероника с Аграфеной Тихоновной стоят вполубоимку, одинаково склонив головы, – двуединое горе. Артемий Польский с какой-то женщиной под руку... Что же все-таки странного в Соне? К Артемию надо бы присмотреться. И прислушаться – голос его услышать и проверить. Впрочем, ничего не прояснится, звонил, конечно, не он. В любом случае не он – сообщник или... вообще не он. А странного в Соне вот что: полная отстраненность от происходящего. Словно она так углубилась в свои мысли, что совершенно не воспринимает похорон. Отстраненность и одиночество. Все вместе: парами, кучками, все стоят у могилы, все объединены общим горем, а она одна, отдельно. А впрочем, она и по жизни одна, отдельно.

Зачем же все-таки заказчик настаивал на его присутствии на похоронах? Чтобы он понаблюдал за поведением родственников и знакомых и смог что-то из этого вынести? Но откуда он знал, как они себя поведут? И что можно вынести из поведения чужих людей? Роман Кириллович бурно переживает утрату, Соня выглядит равнодушной – и какой из этого можно сделать вывод? Его бурно выражаемое горе не служит ему алиби, точно так же как отстраненность Сони не является уликой против нее.

Заказчик наверняка тоже здесь. В любом случае это человек близкий дому. И если это не Артемий, то кто? А кстати, куда подевался Артемий? Он вон там стоял, сейчас его нет.

Андрей повернул голову – и встретился взглядом с Артемием. Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор, глаза в глаза, потом тот усмехнулся, пожал плечами и, подхватив под руку свою спутницу, отошел к могиле. А там уже успели перемениться декорации: Романа Кирилловича, видно, смогли уговорить, он стоял, пошатываясь, поддерживаемый с двух сторон Аграфеной Тихоновной и Вероникой, под гроб подвели тросы, готовились спустить его в могилу, оркестр снова заиграл.

Итак, получается, все же Артемий? Вот только кто он – заказчик или убийца? Или и то и другое в одном лице?

Соня запоздало подошла к гробу, с каким-то упрямым выражением на лице, быстрым, размашистым движением, словно счищала снег, погладила крышку. Странная девочка.

Заказчик. Убийца. Один это человек или два разных? Артемий это или кто-то другой? Если два разных человека, зачем тогда заказчику разводить такую таинственность? И значит ли что-то этот взгляд Артемия? Заказчик, убийца. Убийца и жертва, они могут поменяться местами. Как понимать эту фразу? Ясно, что не буквально: жертва в данный момент одна – Екатерина Васильевна, ни с кем поменяться местами она не может. Что же тогда имел в виду его телефонный клиент-инкогнито? Зачем заказчик пригласил его на похороны, зачем настаивал?

Оркестр сыграл напоследок несколько скорбных тактов и смолк. Роман Кириллович надрывно что-то прокричал зарытой уже могиле и тоже смолк. Люди гуськом, словно на горнолыжной тропе, пошли к воротам кладбища. Позади всех, низко опустив голову, еле переставляя ноги, плелась Соня.

Андрей вышел из-за своего гранитного укрытия и совершенно открыто, не прячась, двинулся к выходу.

* * *

Прямо с кладбища Никитин поехал в офис. Настроение было вполне соответствующее той церемонии, в которой он, хоть и инкогнито, только что участвовал, ему казалось, что все на свете сейчас испытывают то же. Потому-то был очень удивлен, когда застал своих коллег за

таким жизнерадостным занятием, как украшение елки. Ну да, Новый год. А он и забыл. Еще сегодня ночью помнил, а теперь совершенно забыл. Поздравил с наступающим свою маленькую рабочую группу, сел за стол и задумался. Вот уже и четыре, через два часа позвонит заказчик, а у него нет никакого ответа ни на один вопрос и просто ну никаких соображений по этому делу. Присутствие на похоронах совершенно не приблизило его к разгадке. Да и как могло приблизить? Как он может вычислить убийцу, если даже заказчик неизвестен? Заказчик... Звучит, как заказчик убийства! А если зайти с другого конца, отбросить свои предыдущие выводы и начать сначала?

Итак, Екатерину Васильевну убили по какой-то конкретной причине (по какой, пока не важно). Некто хочет найти убийцу (или желает проверить свои предположения относительно него) и потому обращается к частному детективу. Почему он не нанимает детектива открыто, зачем устраивает шпионские игры? Какие обстоятельства побуждают его к этому?

Ну, во-первых, он может быть членом семьи, подозревающим другого члена. Во-вторых, может опасаться за свою жизнь: располагает сведениями, нежелательными для преступника, или боится мести. И в том и в другом случае у него есть веская причина скрывать свою личность.

Какой из этого следует вывод? Никакого. Чем эти выкладки помогают расследованию? Ничем. У него слишком мало данных. Необходимо так или иначе встретиться с заказчиком и поговорить откровенно. А если тот не пойдет на прямой контакт, просто отказаться от дела. Поставить условие. Добиться...

Какой же он дурак! Да ведь заказчика не так трудно вычислить. Именно сегодня нетрудно. Именно сейчас, до шести часов. Если его клиент – родственник или один из ближайших знакомых, он не может не присутствовать на поминках. А из дома Королевых звонить не станет, раз так шифруется. Значит, до шести он должен покинуть квартиру. До шести, но вряд ли раньше пяти: поминки – это не необязательная дружеская вечеринка, на которую можно заглянуть на часок, поминки требуют неторопливости и обстоятельности. Следовательно...

Следовательно, надо спешить, лететь к дому Королевых. Тот, кто выйдет в промежутке между пятью и шестью, почти наверняка – заказчик.

Андрей вскочил и, одеваясь на ходу, побежал к выходу.

... Во дворе дома семьи Королевых был без пятнадцати пять. Пристроился за джипом у соседнего подъезда и стал ждать.

Дверь с тоскливым скрипом открывалась и закрывалась, сгущались сумерки, видимость становилась все хуже. Андрей с сожалением вылез из теплого салона машины, подошел ближе. Теперь идея расколоть таким образом своего клиента не казалась ему удачной, выводы не виделись безупречными. Предновогодний морозец выстуживал уверенность в себе, ледяной ветер вдувал в душу сомнения.

Уверенность в своей способности мыслить окончательно уступила место сомнениям, когда в десять минут шестого из подъезда вышли Соня с Аграфеной Тихоновной. Он так разозлился на себя и так расстроился, что совершенно позабыл о конспирации, уселся на скамейку на самом видном месте, под фонарем, и просидел довольно долго, не чувствуя больше ни холода, ни ветра.

Дверь снова скрипнула. Андрей повернул голову – просто так, по инерции, ни на что больше не надеясь, – и увидел выходящего из подъезда Артемия Польского. Вот тут он очень пожалел, что расселся на скамейке в открытую, под самым фонарем. Артемий, однако, был изрядно пьян, прошел мимо, кажется не обратив на Никитина никакого внимания. Остановился, закуривая, покачнулся и проследовал дальше. Пальто его было не застегнуто, шапка сидела криво, где-то на макушке, весь вид был какой-то расхристанный. Не выпуская Польского из поля зрения, Никитин прокрался к машине, завел мотор и тихонько тронулся за ним, смутно надеясь, что тот поймает на улице такси и преследовать его будет проще.

Никакого такси Артемий ловить не стал. Пройдя два квартала, остановился у двери какой-то забегаловки, подумал немного, зашел. Андрей припарковался, выждал минуты две и тоже направился к бару. Похоже на то, что у Польского здесь назначена встреча. Очень похоже. Значит, не напрасно он мерз, не напрасно караулил у подъезда.

Поэт сидел за столиком один в самом темном углу бара. Перед ним стояла бутылка водки и тарелка с какой-то закуской. Водка и одиночество Никитину сразу же активно не понравились. Неужели он опять ошибся? Все это как-то не очень сочеталось с деловой встречей. Андрей заказал кофе с коньяком, расположился в противоположном углу – не менее темном – и стал наблюдать. И чем дольше длилась его слежка, тем больше он убеждался в своей ошибке: Артемий явно никого не ждал, звонить никому не собирался, он мрачно и целенаправленно напивался, как напивается человек в большом горе. В баре гремела музыка, было сильно накурено, время близилось к шести. У Андрея разболелась голова, нелепая ситуация действовала ему на нервы.

В шесть клиент не позвонил. Не позвонил он и в половине седьмого. Артемий между тем прикончил бутылку и потребовал новую. И тогда Андрей решил. Заказав рюмку водки, подошел нарочито пьяной походкой к столику Польского.

– Вы позволите? – развязно поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, плюхнулся на стул.

Артемий поднял на него глаза, долго всматривался, что-то соображая. Налил себе немного водки, выпил, опять стал смотреть. Андрей пригубил из своей рюмки и в свою очередь уставился на Артемия.

– Я вас не знаю, – произнес наконец поэт.

– А я вот давно мечтаю с вами познакомиться. – Частный детектив подмигнул. – Лично, – закончил он пьяно-весело.

– Если вы мой поклонник, – Артемий качнулся, уперся руками в стол для равновесия – он был без дураков очень нетрезв, – то сейчас не место и не время. Впрочем, я могу дать автограф.

– Это потом. – Андрей усмехнулся. – Да, в общем, и не обязательно. К поэзии я, знаете, равнодушен.

Артемий обиженно дернул плечом и хмуро посмотрел на Никитина.

– Тогда что вам нужно?

– Искренности вашей, больше ничего. Так что, будем колотиться?

– Ах, так вы из милиции? – разочарованно протянул Польский.

– Вам прекрасно известно, что не из милиции, – не захотел сдавать своих позиций Андрей. – Вы знаете, кто я такой, – с нажимом, глядя в упор, произнес он. – И я знаю, что вы... – Никитин остановился на многозначительной недоговоренности и укоризненно покачал головой. – Зачем же отпираться от благородной, в общем, миссии?

– От какой такой миссии? – медленно проговорил Артемий. Он вдруг – непонятно отчего – очень испугался, даже пьяно багровое его лицо приобрело какой-то бледноватый оттенок, да, кажется, и хмель отчасти вышел. – Так вот вы что...

– Ну да, ну да, – весело сказал Андрей, перестав притворяться пьяным, – я именно он, тот самый человек, который... в общем, вы в курсе, и я рад, что перестали отпираться: ваша игра в прятки мне порядком надоела.

Артемий прикрыл рот ладонью, словно боялся, что его сейчас вырвет, отшатнулся от Никитина, сидя на стуле. Теперь-то он уж точно не играл никакой роли – испуг его был натуральным. Вот только чего он так испугался?

– Вы разве не знали меня в лицо? – спросил Никитин – он совсем не ожидал такой реакции от своего клиента и был крайне удивлен.

– Боже мой, – простонал доведенный чуть не до обморока поэт, – ну откуда, откуда? Она такая скрытная, а в последнее время... Не знал, не видел, только мельком со спины однажды.

– Кто – она? – еще больше удивился Никитин.

– Ах, зачем вы меня так мучаете? Вы же прекрасно... – Поэт налил себе полстакана водки и залпом выпил. – Боже мой! – Он плаксиво посмотрел на Андрея. – Я ведь не знал, не думал, что все это выльется в такой кошмар. Да и кто мог предвидеть, что однажды... Это не должно было закончиться. Да я и то думаю: просто творческий кризис, временное нечто, и не нужно так драматизировать ситуацию. Но ведь с ней не поговоришь. А я не виноват! – Он в ужасе вдруг посмотрел на Никитина и закрылся руками, будто боялся, что тот его ударит. – Я не виноват, вы поймите!

Артемий его явно принимал за кого-то другого и чего-то отчаянно, просто безумно боялся. Ситуацию необходимо было срочно прояснить.

– Так разве не вы?... – Андрей опять замолчал на многозначительном многоточии: прямо спросить, Артемий или нет его нанял, было нельзя, потому что в случае ошибки он нарушал бы договоренность со своим клиентом о полной секретности.

– Нет! – закричал обезумевший от непонятного страха поэт. – Я не виноват! Я только хотел... Мне было интересно... Нет, не то слово, мне было... Ну хорошо, я вам признаюсь, чтобы было понятно... Я никогда еще никому этого не говорил. Видите ли, все же и у меня есть амбиции. У любого творческого человека есть амбиции! – Он снова налил себе водки, на этот раз чуть не полный стакан, и снова выпил залпом. Он явно на что-то решался, но пока не мог найти в себе сил. Андрей напрягся и замер, боясь спугнуть его готовность к откровению лишним движением. Но видно, все же чем-то спугнул, или настроение откровенничать у Артемия пропало, или он в очередной раз чего-то вдруг испугался. Поэт посмотрел на детектива прямо-таки с какой-то ненавистью, с вызовом ненависти. – Не стану я вам ничего говорить. Да кто вы такой вообще? Да кто бы вы ни были... Ну да, вы ясно кто, вы, без сомнения, он... Ну так вот: уходите, я не хочу с вами говорить!

Андрей не шевельнулся.

– Уходите, слышите? Я вас не боюсь. Потому что теперь все равно. – Он безнадежно махнул рукой.

– Жизнь изменить, родить себе новую девочку, – нараспев, подражая манере телефонного заказчика говорить, словно читать по бумажке, произнес Андрей. И опять промахнулся, и опять не угадал: реакция Артемия опять была совершенно не та, которой он ожидал, – реакции вообще никакой не последовало. – Что скажете? – не выдержал Никитин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.